

А. Н. Мещеряков

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Эффективная деятельность органов государственной власти является основой стабильности и развития государства. Правильная оценка эффективности имеет приоритетное значение для совершенствования государственного механизма, в связи с чем она должна проводиться исключительно на научно обоснованных методиках.

В статье рассматриваются закрепленные в действующем законодательстве модели оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и органов исполнительной власти субъектов РФ. Доказывается, что несмотря на закрепление отдельных критериев оценки эффективности за органами исполнительной власти субъектов РФ, данные показатели относятся и к оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъекта РФ в силу их особого правового положения в системе органов государственной власти.

Обосновывается, что в связи с сугубо экономической природой действующей методики оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ ее результаты не могут быть основанием применения мер конституционно-правовой ответственности.

Ключевые слова: высшее должностное лицо субъекта РФ, органы исполнительной власти субъекта РФ, эффективность государственного управления, оценка эффективности.

A. N. Meshcheryakov

LEGAL REGULATION AND THE PROBLEMS OF THE EFFICIENCY ASSESSMENT OF THE HIGHEST-RANKING OFFICIALS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ACTIVITY

The effective activity of public authorities is the basis of stability and development of the state. Proper efficiency assessment is a priority for improving the state mechanism that is why it must be carried out solely on scientifically based methods.

The article examines legal models of efficiency assessment of the highest-ranking officials of the subjects of the Russian Federation and executive authorities of the subjects of the Russian Federation activity. It is proved that, despite the some assessment criteria applied to the activity of the executive authorities of the subject of the Russian Federation, they also may be used to efficiency assessment of the highest-ranking official of the subject of the Russian Federation activity because of his specific legal status in the system of the separation of powers.

The author concludes that the results of efficiency assessment of the activity of the highest-ranking official of the subject of the Russian Federation cannot be grounds of his constitutional responsibility, because they depend only on economic foundations.

Keywords: highest-ranking official of the subject of the Russian Federation; executive authorities of the subject of the Russian Federation; governmental efficiency; efficiency assessment

Вопросы эффективности деятельности органов государственной власти Российской Федерации на ходятся под пристальным вниманием населения, общественных объединений, иных субъектов конституционных правоотношений, формируя общественное мнение о действенности всего механизма осуществления публичной власти в нашей стране.

Они неразрывно связаны с активно

обсуждаемым зарубежными конституционалистами правом на хорошее управление, которое И. Н. Барциц адаптирует к российской правовой действительности в виде права на «эффективное управление» [2, с. 64].

Эффективное функционирование государственного механизма является сферой особой ответственности (в позитивном смысле) Президента Российской Федерации как гаранта

Конституции РФ и лица, обеспечивающего согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Анализ качества работы органов государственной власти находит отражение в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации.

Так, в послании от 12 декабря 2012 г. [13] резкой критике подверглись результаты работы федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ. Сделанный Президентом РФ общий вывод о «низкой эффективности государственной власти» как одной из главных проблем развития современной России показывает, что актуальность данного направления реформ с усложнением общественных связей, новыми вызовами во внешнеполитической сфере и существующими внутренними проблемами публичного управления продолжает возрастать, а правовые и организационные основы деятельности органов государственной власти требуют качественного совершенствования.

Подчеркнутое политико-правовое значение имеют слова, которыми Президент РФ ставит вопрос об эффективности деятельности органов государственной власти субъектов РФ: «Я обращаюсь к главам республик в составе Российской Федерации, к губернаторам, мэрам крупных городов...», «...напоминаю главам всех субъектов России...».

В послании Федеральному собранию Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. требования Президента РФ были адресованы «высшим должностным лицам субъектов Федерации», «главам регионов», «руководителям субъектов Российской Федерации» [12]. Аналогичные конструкции встречались в предыдущих посланиях и иных выступлениях главы государства.

При этом практически ни в одном из посланий мы не встретим указаний или критики в адрес высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ.

Подобная риторика доказывает, что, несмотря на неконкретную законодательную формулу «руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации», которая была введена Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных

(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [14] (далее — Закон «Об общих принципах...») и факультативный характер данной должности (ст. 2 Закона «Об общих принципах...»), реальным руководителем субъекта Российской Федерации для Президента РФ является высшее должностное лицо. Таковым оно является и для общественного восприятия.

Фактическое положение высшего должностного лица субъекта РФ в системе органов государственной власти предъявляет серьезные требования к результатам его деятельности, а также работы высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, которым он «руководит».

В идеальном демократическом понимании оценка эффективности должна осуществляться через призму общественного восприятия, так называемый «индекс общественного мнения». Подобная модель реализована в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [17], согласно п. 6 ст. 9 которого общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции [23, с. 162].

Действующая модель оценки эффективности деятельности высшего должностного лица субъекта РФ, органов исполнительной власти субъектов РФ связана с конкретными количественными критериями. Это отчасти обусловлено негативным опытом существовавшей при проведении прямых выборов высших должностных лиц субъектов РФ (1996—2005) практики формирования общественного мнения и манипулирования им исключительно за счет политических технологий, без учета реальных социальных и экономических показателей, а также объективными организационными сложностями оценивания эффективности деятельности на основе изучения общественного мнения.

Правовой основой проведения оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ является ст. 26.3.2 Закона «Об общих принципах...», включенная в него Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» [15]. В ней содержится бланкетная норма о показателях для

оценки эффективности, которые должны утверждаться Президентом РФ; определено, что доклады о фактически достигнутых и планируемых значениях показателей высшие должностные лица субъектов РФ должны представлять Президенту Российской Федерации; установлена возможность выделения субъектам РФ грантов за счет средств федерального бюджета в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей. Законом прямо предусмотрен только «пряник» — возможность выделения грантов. Но в самой обязанности представления высшими должностными лицами субъектов РФ докладов с учетом их субординационного положения в отношениях с Президентом РФ можно усмотреть основания для «кнута», которым может стать отрешение от должности за утрату доверия.

Впервые порядок реализации данных положений был урегулирован указом Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [16], которым было утверждено 43 показателя для оценки эффективности. Их количество в последующем было увеличено до 48. На основании данного указа были разработаны:

- перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, в т. ч. показателей эффективности использования средств консолидированных бюджетов субъектов РФ (102 укрупненных показателя);

- методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ (первоначально 295 детализированных показателей, в последующей редакции — уже 319);

- форма доклада высших должностных лиц субъектов РФ о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ за отчетный год и их планируемых значениях на трехлетний период [7].

В инструментах оценки проявилось все торжество бюрократической системы управления, и органы исполнительной власти субъектов РФ стали ответственны за показатели, в отношении которых они в соответствии с действующим законодательством не наделены полномочиями (например, количество зарегистрированных

преступлений), а также тех, которыми практически невозможно управлять (например, смертность населения и младенческая смертность).

В перечень вошли и критерии, основанные на общественном мнении: удовлетворенность населения медицинской помощью, качеством общего образования, начального и среднего профессионального образования, деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ, в т. ч. их информационной открытостью (процент от числа опрошенных).

С учетом такого большого количества критериев, объективной трудности их оценивания, отсутствия конкретных апробированных методик вполне закономерно возникли сомнения в объективности и достоверности представляемой в отчетах информации: «Когда право «жизни и смерти» высшего должностного лица практически целиком и полностью находится в руках Президента РФ, любому главе региона обязательно захочется «немного округлить» некоторые статистические данные (и, конечно же, обязательно в сторону, выгодную для него самого)» [6, с. 26].

Обоснованные опасения в действенности методики высказывали и представители экономических наук: «Существующая оценка эффективности основана на использовании громоздкой системы показателей ... объективно оценить работу территории по такому количеству показателей практически невозможно ... такой массовый отчет еще и сложно анализировать» [11, с. 12].

Очевидной была и несбалансированность показателей по группам (до 15-кратной разницы): обеспечение безопасности граждан — 4 показателя, здравоохранение и здоровье населения — 63 [4, с. 23].

Абсолютно справедливыми видятся выводы С. А. Авакьяна о том, что установление таких показателей, тем более не зависящих от органов исполнительной власти субъектов РФ, отсутствие ясности в разграничении полномочий, неэффективность распределения денежных средств, поступающих от уплаты налогов, не добавляет четкости в федеративных отношениях и отрицательно сказывается на реализации идей и принципов, заложенных в Конституции РФ [1, с. 7—9].

Объективная неработоспособность введенной в 2007 г. системы оценки показателей, ее

справедливая критика послужили основанием для пересмотра методики. Указом Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [18] было установлено всего 11 оцениваемых критериев, впоследствии увеличенных до 12 [8].

К сожалению, несмотря на кратное уменьшение количества критериев ранее обозначенные проблемы в новой методике решены не были. Так, в перечне появился достаточно фантастический критерий «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении»; параметр «Численность населения», мало зависящий от деятельности органов исполнительной власти в коротком периоде оценивания; показатель «Реальные располагаемые денежные доходы населения», в современных условиях существования теневых схем оплаты труда и недекларирования населением многих доходов трудно поддающийся подсчету; а также «Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации», основанная на результатах изучения общественного мнения.

Сохранилась и тенденция к увеличению количества показателей. Так, постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [20] был введен дополнительный перечень индивидуальных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, который в редакции по состоянию на 10 сентября 2013 г. содержит 44 показателя.

Указ Президента РФ от 10 сентября 2012 г. № 1276 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности» [19] утвердил еще 9 критериев оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ по созданию благоприятных условий ведения

предпринимательской деятельности.

Распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 2550-р «Об утверждении методик определения целевых значений показателей для оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти, высших должностных лиц субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности» [21] определено, что по результатам определения значений показателей Минэкономразвития России проводит рейтинговую оценку эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ, присваивает субъектам РФ ранги, рассчитывает баллы и определяет позиции в рейтинге.

Кроме того, распоряжением Правительства РФ от 3 декабря 2013 г. № 2256-р «Об утверждении целевых показателей оценки эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по осуществлению переданных им полномочий» введено 27 дополнительных целевых показателей эффективности деятельности органов государственной власти субъектов РФ по осуществлению переданных им полномочий Российской Федерации, при выполнении которых возникают расходные обязательства субъектов РФ, на исполнение которых предусмотрены субвенции, формирующие единую субвенцию бюджетам субъектов РФ.

В целях реализации перечисленных указов Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ федеральными органами исполнительной власти принят еще ряд нормативных правовых актов и методических рекомендаций.

В совокупности весь объем нормативных правовых актов, регулирующих оценку эффективности деятельности высших должностных лиц, органов исполнительной власти субъектов РФ составляет не один десяток документов. Вместе с тем тщательный анализ утвержденных ими критериев, изучение мнений профессиональных юристов, экономистов, социологов показывает, что для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ не только не разработана работоспособная методика, но и отсутствует единая концепция ее подготовки.

Получившая негативную оценку со стороны профессионального сообщества предыдущая

модель оценки, как и пришедший ей на смену инструментарий, повторяющий те же ошибки, представляют собой механическое соединение разнородных количественных критериев статистического, экономического, социометрического характера, сумма которых определяет позицию высшего должностного лица субъекта РФ в рейтинге.

Такой инструментальный подход может не соответствовать реальной юридической оценке деятельности, основанной на исполнении или неисполнении полномочий. Он не позволяет связать вопросы наличия полномочий, их обеспеченности материальными и иными ресурсами, качества исполнения полномочий с позитивной и негативной юридической ответственностью.

Не отрицая ценность самой концепции оценивания эффективности деятельности органов государственной власти субъектов РФ статистическими, экономическими и социологическими критериями, следует отметить ее слабую интеграцию с правовыми механизмами государственного управления и конституционной ответственности.

Существующая конституционная модель основывается на принципах разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ, самостоятельном осуществлении органами государственной власти субъектов РФ принадлежащих им полномочий.

И если оценка эффективности деятельности органов государственной власти субъектов РФ по осуществлению переданных им полномочий в данной системе координат представляется закономерной, то справедливость анализа результатов их деятельности по значительному количеству параметров, по ряду из которых они не наделены полномочиями, с присвоением баллов и выстраиванием рейтингов может быть подвергнута сомнению.

Конечно, основное целевое назначение действующей модели оценивания выполняет важную роль в распределении дополнительных бюджетных средств (федеральных грантов) наиболее эффективным по оцениваемым параметрам субъектам федерации. Однако, хотя это нормативно и не закреплено, результаты оценивания, место в рейтинге влияют на такой

важнейший для высших должностных лиц субъектов РФ параметр, как доверие Президента Российской Федерации, за утрату которого они могут быть отрешены от должности.

В этом случае закономерно может возникнуть вопрос о законности и правомерности основания конституционной ответственности как одних из основных принципов юридической ответственности [3, с. 161]. Ведь с формальной стороны по многим параметрам оценивается деятельность не высшего должностного лица субъекта РФ, а высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, который является самостоятельным субъектом конституционной ответственности. Даже принимая во внимание тот факт, что высшее должностное лицо субъекта РФ осуществляет фактическое руководство исполнительной властью в субъекте федерации и «руководит» высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, простой количественный анализ критериев и показателей не позволяет установить наличие реальной возможности обеспечить их выполнение, а значит, и вины.

Несмотря на тот факт, что многие авторы, основываясь на эмпирических данных, доказывают, что для наступления конституционно-правовой ответственности наличие вины не является обязательным условием (объективное вменение), данная позиция является спорной. В данном вопросе более справедливой представляется позиция А. А. Кондрашева о том, что вина должна быть признана неотъемлемым основанием возложения ретроспективной ответственности [5, с. 113].

Таким образом, поскольку существующие методики оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и органов исполнительной власти субъектов РФ объективно не позволяют установить наличие вины за низкие количественные показатели, данный оценочный инструментарий не может являться основанием для наступления конституционно-правовой ответственности. Но при наличии такого основания отрешения высшего должностного лица субъекта РФ от должности, как утрата доверия Президента РФ, параметры эффективности, несомненно, оказывают весомое влияние на принятие Президентом РФ соответствующего решения.

История государственного развития,

неюридическое понятие здравого смысла подсказывают, что подобные последствия неэффективной деятельности вполне закономерны. Но сама методика оценки эффективности должна иметь серьезную научную основу с учетом ее задач, взаимосвязи критериев с конкретными полномочиями и их обеспеченностью, транспарентностью методик подсчета и итоговых результатов. Нормативное закрепление модели оценки эффективности должно предполагать возможные правовые последствия ее проведения и гарантии соблюдения основных принципов юридической ответственности.

Верным решением видится разделение параметров оценки эффективности деятельности высшего должностного лица субъекта РФ и органов исполнительной власти субъекта РФ по преследуемым целям и преломление ключевых параметров на наличие соответствующих полномочий и объективных возможностей, выражающихся в доходах субъекта РФ и объемах дополнительного федерального финансирования его программ.

Изучение количественных показателей в различных сферах жизнедеятельности общества статистическими методами должно преследовать конкретные экономические цели и позволять Правительству РФ обеспечивать нормальное социально-экономическое развитие субъекта федерации, в т. ч. и за счет направления дополнительных средств. Большинство показателей применяемой на сегодняшний день методики оценки эффективности деятельности являются подобными статически оцениваемыми значениями, абсолютно не связанными с наличием реально имеющихся ресурсов для достижения необходимых результатов.

Очевидно, что, даже преследуя исключительно цели обеспечения экономического развития субъекта федерации, следует учитывать не только количественное выражение того или иного параметра (объем продукции, площадь введенного жилого фонда, количество спортивных сооружений и т. д.), но и рассматривать его удельное значение, опираясь на объем доходной части бюджета, количество населения и иные необходимые для проведения расчетов показатели. Такой подход к количественной экономической оценке эффективности позволит получать более объективные данные, необходимые для координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и

органов исполнительной власти субъектов РФ в вопросах обеспечения социально-экономического развития территорий. Вместе с тем такая модель оценки должна иметь только экономическое предназначение.

В целях правой оценки деятельности высшего должностного лица субъекта РФ, позволяющей, в т. ч., постановку вопроса о применении в его отношении мер конституционно-правовой ответственности, анализ эффективности деятельности должен, как представляется, проводиться не столько по экономическим показателям, сколько по критериям качественного исполнения установленных законодательством полномочий.

Экономическая оценка эффективности имеет высокую ценность для регулирования макроэкономических, бюджетных и социально-экономических процессов. Она незаменима в организации планирования соответствующей деятельности органов исполнительной власти.

Возникает дилемма. С одной стороны, за числовыми показателями могут остаться незамеченными средства и способы их достижения, а исключительно инструментальный подход к достижению подобной эффективности близок к макиавеллистскому — «цель оправдывает средства», что концептуально противоречит гуманитарным достижениям современности и идеям конституционализма.

С другой — в чистом виде качественная оценка системы государственного управления, как справедливо отмечает И. Н. Барциц [2, с. 69], имеет существенный недостаток, который заключается в субъективности оценки.

Решение, как представляется, должно основываться на сочетании критериев эффективности, отражающих социально-экономические и иные оцениваемые статистическо-экономическими величинами процессы, с показателями, отражающими конкретную деятельность по исполнению возложенных полномочий с учетом реальной возможности ее осуществления.

В заключение статьи следует отметить, что даже имеющийся небольшой опыт оценивания эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ, органов исполнительной власти субъектов РФ имеет важное исследовательское значение. Анализ существовавшей ранее и используемой в

настоящее время методики, ее правового закрепления позволяет обозначить ряд выводов и предложений по развитию данной системы оценивания.

1. Несмотря на то, что в названии нормативных правовых актов по предмету регулирования проводится разграничение между оценкой эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и оценкой деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ, фактически и те и другие параметры — сфера ответственности высшего должностного лица субъекта РФ (как позитивной, так и при совокупности ряда обстоятельств — ретроспективной) [22].

Данный вывод основывается на законодательном положении о высшем должностном лице субъекта РФ как руководителе высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также указанных в постановлениях Конституционного суда РФ положениях о том, что высшие должностные лица по своему статусу находятся в отношениях субординации непосредственно с Президентом РФ [10], являются, по существу, главами исполнительной власти субъектов РФ и одновременно звеньями в единой системе исполнительной власти в Российской Федерации, реализуя не только полномочия субъекта РФ, но и выполняя задачи общегосударственного значения [9].

2. Реализация предметов ведения и полномочий субъекта РФ заключается не только в деятельности высшего должностного лица и органов исполнительной власти субъекта РФ. Нельзя не учитывать важную роль законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ в формировании правовых основ их эффективной деятельности.

Оценивать суммарную эффективность государственного управления в субъектах РФ предлагается применительно к деятельности всей системы органов государственной власти субъекта РФ, а не только органов исполнительной власти и высших должностных лиц. Соответственно оценочный инструмент должен формироваться применительно к ожидаемым показателям развития субъекта РФ с учетом доходов его бюджета и межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

3. Критерии оценки эффективности

деятельности органов государственной власти субъектов РФ не должны выражаться исключительно в экономических и статистических параметрах. При формировании критериев следует учитывать индексы общественной оценки эффективности деятельности органов государственной власти, что, однако, представляется весьма сложной задачей.

4. Существующие модели оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ, органов исполнительной власти субъектов РФ имеют ряд существенных недостатков, которые не позволяют обеспечить достоверность полученных результатов. На сегодняшний день данная система не может рассматриваться в качестве инструмента объективной оценки эффективности деятельности.

Для решения вопросов о применении к высшему должностному лицу субъекта РФ, высшему исполнительному органу государственной власти субъекта РФ мер конституционной ответственности за низкую эффективность деятельности на современном этапе развития инструментальной базы и методики оценки эффективности предлагается не оперировать полученными результатами, а опираться на понятия «ненадлежащее исполнение, неисполнение служебных обязанностей», имеющие конкретное юридическое наполнение.

5. Дальнейшее развитие методики оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ, органов исполнительной власти субъектов РФ для получения не только числовых результатов, но и оценки сопутствующих факторов, должно основываться на сочетании статистических и экономических подходов с показателями, позволяющими изучить предпринимаемые меры по исполнению возложенных полномочий и использование всех возможностей для их качественной реализации.

Список библиографических ссылок

1. Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9.
2. Барциц И. Н. Конституционное право на хорошее (эффективное) управление: критерии, показатели, оценки // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 64.
3. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.
4. Зубарев А. А., Зюбин А. А. Совершенствование оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 3.
5. Кондрашев А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. М., 2011.
6. Макарова Т. Б. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации как форма президентского контроля // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 4.
7. О мерах по реализации указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2009 г. № 322 // СЗ РФ. 2009. № 17. Ст. 2083.
8. О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 1688 // СЗ РФ. 2012. № 53. Ч. 2. Ст. 7860.
9. По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной думы: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 32-П // СЗ РФ. 2012. № 53. Ч. 2. Ст. 8062.
10. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 13-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.
11. Рахманкулов И. Ш., Рахманкулова Г. И. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Казанский экономический вестник. 2012. № 1.
12. Российская газета. 2011. 23 дек.
13. Российская газета. 2012. 13 дек.
14. СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
15. СЗ РФ. 2007. № 1. Ч. 1. Ст. 21.
16. СЗ РФ. 2007. № 27. Ст. 3256.
17. СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
18. СЗ РФ. 2012. № 35. Ст. 4774.
19. СЗ РФ. 2012. № 38. Ст. 5068.
20. СЗ РФ. 2012. № 46. Ст. 6350.
21. СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 70.
22. О Логинове В. А.: указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2005 г. № 272 // СЗ РФ. 2005. № 11. Ст. 934.
23. Попов В. В. Вопросы оценки эффективности деятельности полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3. С. 160—165.